

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЛЕГЕНДЕ

НАЗЫБ Жиганов. Это имя знакомо мне давно. Его оперу «Алтынчеч» я слушал впервые в Алма-Ате. Заочно я представлял его себе иным: медлительным, задумчивым, как говорят, ушедшим в себя. А он вот какой: подвижной, общительный, искрищийся энергией. И я вдруг подумал: именно такому человеку, живо воспринимающему явления жизни, могут быть подвластны самые тонкие нюансы музыки. А что они ему подвластны, о том говорят его песни, концерты, оперы.

Я не музыкoved и не собираюсь показывать творческую лабораторию композитора. Я хочу рассказать об одной удивительной особенности его жизни, его композиторской работы.

Назыб Жиганов связал свое творчество с богатым и неиссякаемым миром народных легенд. «Алтынчеч» — это легенда о Джике, который в XIII веке освободил свой народ от рабства. Опера «Тюляк и Су-Слу» уходит корнями еще глубже — в XI век, когда легендарный народный герой Тюляк отстаивал свободу Булгарского ханства на Волге от нашествия иноземцев. Разные времена, разные сюжеты и различны герои этих опер. Каждая интересна и увлекательна по-своему. Музыка каждой очень своеобразна, но идея в них заложена одна. Это идея борьбы за свободу родной земли, за торжество красоты и любви.

— Меня всегда волнуют легенды и сказания, — говорит Жиганов. — Эта чистая, отшлифованная веками народная фантазия, эта народная мечта таит несметные богатства доброй и мудрой красоты. Русский народ породил легендарные образы Садко, Снегурочки, а у нас есть Зюгра, Тюляк. Интересно, что народная фантазия не стоит на месте, она движется, обогащаясь новыми гранями, она поистине неисчерпаема! И самое бесспорное — легенды, легендарные герои рождаются в наши дни богаче, чем в прошлом. Вы, вероятно, знаете, у меня был друг, мой сверстник, мой однокашник, мой неизменный соавтор по творчеству. Когда он вот так же, как вы сейчас, сидел рядом со мной, творил и спорил, смеялся и сердился, раздавался и чуть не плакал от временных неудач, — я никак не мог подумать, что придет время и лучшую свою оперу посвящу целиком его подвигу и назову его именем — «Джалиль»...

Да, не подозревал, конечно, композитор, что дружба, работа с Мусой Джалилем — это трепетное прикосновение к легенде, одной из ярчайших легенд нашего времени.

Либретто оперы «Алтынчеч» написал Муса Джалиль, над музыкой

стал работать молодой композитор Жиганов. Оба упрямые, неуступчивые, они были словно кремень, при каждом столкновении — спон искр. Они спорят, каждый горячо отстаивает свое мнение. И вдруг оба видят: из искры творческого спора родилось новое творческое откровение.

Назыб Гаязович вспоминает:

— Работая со мной над оперой «Алтынчеч», не однажды хлопал дверью и уходил Муса. — «Ты — варвар!» — гневно бросал он мне. И потом возвращался смущенно притихшим, чтобы продолжать это трудное и благородное дело. И все-таки я скажу: это прекрасно, что все мы так неистовы. Искусство — не тихий закоулок, и кто жалеет себя, кто ищет типины, тот чувствует себя тут неуютно.

Потом — война. Муса Джалиль ушел добровольцем. Однажды на несколько дней он появился в Казани. Соседи по квартире, они почти все это время были вместе — Джалиль и Жиганов.

— Мне очень нужны твердость и мужество, чтобы выстоять и победить, — говорил Муса. — Я воспитывал в себе бесстрашие и ненависть.

Когда однажды он, голый по пояс, умывался, расплескивая воду под краном, Назыб любовно щипнул его за бок.

— Ишь ты, какой бронзовый!

— Эта бронза мне тоже нужна для победы.

В ночь накануне расставания они говорили, говорили... О самом святом для них, о судьбах Родины и об искусстве.

— Мы еще создадим свои оперы, — говорил Муса. — Напишем оперу о том, как поверили лютого врача.

На прощание по стариинному национальному обычаю обменивались поясными ремнями, крепко обнялись, и Муса ушел. Ушел, чтобы два года спустя вернуться в Казань, в родную страну яркой неумирающей легендой.

Всего одно-единственное письмо получило от Мусы Жиганов. Оно было отправлено с Калининского фронта. Муса сообщал, что написал и высыпал либретто одноактной оперы. Либретто до Жиганова так и не дошло.

Композитор написал оперу «Поэт» (либретто Ахмата Файзи). В ней, конечно, не было ни пленения поэта, ни Моабитской тюрьмы, ни пламенных стихов, написанных Мусой в этом мрачном застенке. Был поэт-солдат, сражающийся за свободную родную землю, был герой, таких военные события порождали тысячами.

И вдруг в Казань пришел толстый пакет. В нем — знаменитая теперь «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля. Героический облик поэта и воина предстал перед людьми

Файзи и Назыб Жиганов. Они создавали свой немеркующий памятник герою — оперу-легенду «Джалиль».

Показанная вскоре после войны на декаде в Москве опера получила горячее признание. Позже Жиганова пригласили на премьеру «Джалиля» в Прагу. Композитор очень волновался: какова-то будет трактовка образа Мусы в постановке чехословакских мастеров? Сумеют ли они сохранить национальный колорит татарской музыки? Хорош ли будет перевод текста?

— Не волнуйтесь, — сказали ему в Праге. — Ваш Муса Джалиль — это наш Юлиус Фучик. Верьте, мы понимаем истоки героизма таких выдающихся бойцов, и все, что присуще Мусе, будет свято сохранено на сцене.

Так и вышло. Зрительный зал был потрясен постановкой. Может быть, одни видели в Мусе Фучика, другие в Фучика угадывали черты Мусы, но каждый из сидящих в зале твердо знал: сыны двух братских народов погибли за одно святое дело — за свободу и независимость родной земли, и их героизм послужил скреплению дружбы народов, идущих к одной, светлой цели.

★

На днях я встретил Назыба Жиганова в Нижнекамске. Чистый, уютный, новенький этот город — Комсомольск шестидесятых годов — весь устремлен в будущее. Здесь создается крупнейший в Европе химический комбинат, где попутный газ с нефтяных месторождений Татарии превратится в изопреновый каучук, в шины, в десятки необходимых промышленности и хозяйству продуктов и изделий.

Композитор шутливо сказал мне:

— Я здесь один в трех лицах: как ректор Казанской консерватории, я возглавляю студенческий оркестр народных инструментов, как композитор — ищу музыкальный материал для своей симфонии «Сабантуй», а как депутат Верховного Совета СССР — проверяю исполнение наказа избирателей об открытии в Нижнекамске музыкального училища. Я трижды рад и доволен. Вы понимаете меня?

Понять было нетрудно. Оркестр студентов пользовался шумным успехом. В ткань будущей симфонии, видимо, войдут напевы, созданные молодежью Нижнекамска. А для музыкального училища строится просторный светлый корпус.

Мой спутник задумчиво проговорил:

— Младая будет жизнь играть... Вот во имя чего свершаются легендарные подвиги — во имя прекрасной жизни на земле.

В. БАЙДЕРИН,

соб. корр. «Известий».

КАЗАНЬ.

во всем величии несгибаемого духа.

Любовь и скорбь породили в друзьях Мусы небывающее вдохновен и е. Снова и снова просиживали ночами за столом и у рояля Ахмат Жиганов. Они создавали свой немеркующий памятник герою — оперу-легенду «Джалиль».

Показанная вскоре после войны на декаде в Москве опера получила горячее признание. Позже Жиганова пригласили на премьеру «Джалиля» в Прагу. Композитор очень волновался: какова-то будет трактовка образа Мусы в постановке чехословакских мастеров? Сумеют ли они сохранить национальный колорит татарской музыки?

Хорош ли будет перевод текста?

— Не волнуйтесь, — сказали ему в Праге. — Ваш Муса Джалиль — это наш Юлиус Фучик. Верьте, мы понимаем истоки героизма таких выдающихся бойцов, и все, что присуще Мусе, будет свято сохранено на сцене.

Так и вышло. Зрительный зал был потрясен постановкой. Может быть, одни видели в Мусе Фучика, другие в Фучика угадывали черты Мусы, но каждый из сидящих в зале твердо знал: сыны двух братских народов погибли за одно святое дело — за свободу и независимость родной земли, и их героизм послужил скреплению дружбы народов, идущих к одной, светлой цели.

★

На днях я встретил Назыба Жиганова в Нижнекамске. Чистый, уютный, новенький этот город — Комсомольск шестидесятых годов — весь устремлен в будущее. Здесь создается крупнейший в Европе химический комбинат, где попутный газ с нефтяных месторождений Татарии превратится в изопреновый каучук, в шины, в десятки необходимых промышленности и хозяйству продуктов и изделий.

Композитор шутливо сказал мне:

— Я здесь один в трех лицах: как ректор Казанской консерватории, я возглавляю студенческий оркестр народных инструментов, как композитор — ищу музыкальный материал для своей симфонии «Сабантуй», а как депутат Верховного Совета СССР — проверяю исполнение наказа избирателей об открытии в Нижнекамске музыкального училища. Я трижды рад и доволен. Вы понимаете меня?

Понять было нетрудно. Оркестр студентов пользовался шумным успехом. В ткань будущей симфонии, видимо, войдут напевы, созданные молодежью Нижнекамска. А для музыкального училища строится просторный светлый корпус.

Мой спутник задумчиво проговорил:

— Младая будет жизнь играть... Вот во имя чего свершаются легендарные подвиги — во имя прекрасной жизни на земле.

В. БАЙДЕРИН,

соб. корр. «Известий».

КАЗАНЬ.